И.С. Урманчеева

Экспрессивы, характеризующие человека по его привычкам и склонностям, в говорах Вологодской области

УДК 811

Агентивные экспрессивы, характеризующие человека по таким склонностям и привычкам, как нечистоплотность, аккуратность, пьянство, обжорство, сонливость, стремление одеваться нарядно, красиво, находиться дома или нет, образуют лексико-семантическое поле с четкой структурой и полярными отношениями между лексическими группировками, которые основываются на семантической и оценочной противоположности. Семантика подобных экспрессивов осложняется характеристикой внутренних и внешних качеств человека.

Ключевые слова: антропоцентризм, говоры Вологодской области, диалектная лексика, лексико-семантическое поле, экспрессивные агентивы, склонности человека.

I.S. Urmancheeva

Expressives in dialects of Vologda region which characterize a person by his/her habits and talents (abilities)

Agentive expressives which characterize a person by such inclinations and habits as grubbiness, tidiness, drunkenness, gluttony, drowse, intention to dress well, intention to stay at home form a semantic field with distinct structure and opposed relations between lexical groupings, which are based on semantic and evaluative contrasts. Semantics of such expressives become complicated because of characteristics of inner and outer qualities of a person.

Key words: anthropocentrism, dialects of Vologda region, dialect vocabulary, a semantic field, expressive agentives, a person's inclinations.

© Урманчеева И.С., 2013

Одной из главных задач дисциплин гуманитарного направления, к которым относится языкознание, является изучение человека. Однако долгое время лингвистика была ориентирована на изучение языка «в самом себе и для себя» под влиянием идей структурализма. Переход от лингвистики имманентной к лингвистике антропологической ознаменовал новую парадигму лингвистических исследований, имеющую «своей целью изучение языка в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью» [4, с. 5].

По мнению О.Н. Трубачева, с которым нельзя не согласиться, во все времена «значение данных языкознания, лексикологии, этимологии для подлинного понимания культуры абсолютно» [10, с. 155]. Лексическая система языка хранит богатую информацию о системе ценностей народа, более того, «именно лексика в наибольшей степени апеллирует к смысловым (и ценностным) параметрам модели мира» [9, с. 3]. В этом отношении особое место занимает лексика экспрессивная, в которой ценности данного социума находят свое почти непосредственное выражение.

Согласимся с мнением Е.Л. Березович о естественности поисков этнокультурной информации «в рамках тех семантических полей (и их фрагментов), которые в большей степени, чем другие, связаны с проявлением субъективированности / субъективности, то есть с информацией “от человека” и “о человеке”» [2, с. 67]. В связи с этим очевидно, что, среди всех лексических единиц экспрессивного фонда языка, слова, характеризующие человека, являются квинтэссенцией таких представлений и такой информации.

В статье рассматриваются диалектные экспрессивы со значением лица (экспрессивные агентивы), употребляющиеся на территории Вологодской области. Общерусские экспрессивные наименования человека изучены уже достаточно хорошо. Лексико-семантическая система диалекта как одной из форм национального языка не должна оставаться в стороне при реконструкции фрагментов русской языковой картины мира, более того, исследование диалектных экспрессивных агентивов может помочь увидеть новые «краски» этой «картины».

Слова, характеризующие человека по его привычкам и склонностям, образуют в системе диалекта лексико-семантическое поле, ко-

торое довольно четко можно отделить от полей, характеризующих человека по его внутренним, душевным качествам, внешнему облику, интеллектуальным свойствам и особенностям моторики, хотя, несомненно, области пересечения у этих полей имеются.

В психологии термин *склонность* используется «для обозначения любой сильной, постоянной тенденции к действию» [3, с. 2, 255–256]. Кроме того, это «любая гипотетическая организация умственных и физических аспектов человека, которая выражается как устойчивая, последовательная тенденция проявлять определенные модели поведения в широком диапазоне обстоятельств» [3, с. 2, 346].

Анализ семантики слов позволил выявить следующие склонности (предрасположенности, влечения) человека, по которым он назван:

1) нечистоплотность → ‘неряха’;
2) аккуратность → ‘аккуратный человек’;
3) модная, нарядная одежда → ‘щеголь, модница’;
4) плохая одежда → ‘оборванец’;
5) еда → ‘обжора’,
6) алкоголь → ‘пьяница’;
7) сон → ‘соня’;
8) пребывание вне дома → ‘любитель погулять’;
9) пребывание в пределах дома → ‘домосед’.

Необходимо обосновать возможность самого выделения лексико-семантического поля «Характеристика человека по его склонностям», поскольку перечисленные группы, на первый взгляд, могут быть отнесены к полям, характеризующим человека по внутренним и внешним свойствам, ранее рассмотренным автором статьи [11; 12].

Лексико-семантические группы (ЛСГ) ‘неряха’, ‘аккуратный человек’ характеризуют человека не только по его собственному внешнему виду (грязный – чистый), но и по склонности, предрасположенности быть чистоплотным и следить за порядком дома, в своем хозяйстве, везде, где бы он ни появлялся, или нет.

ЛСГ ‘щеголь, модница’, ‘оборванец’ не просто характеризуют человека по его внешнему виду (хорошо одет – плохо одет), а по его предрасположенности, склонности одеваться хорошо, модно, красиво, нарядно либо ходить в простой одежде или даже в тряпье. Именно поэтому данные группы не могут быть безоговорочно отнесены к лексико-семантическому полю «Характеристика человека по его

внешнему облику», хотя, вероятно, они находятся на стыке с этим полем и даже имеют зоны пересечения.

ЛСГ ‘обжора’, ‘пьяница’, ‘соня’, ‘домосед’ нельзя отнести к полю «Характеристика человека по его душевным качествам, характеру и поведению», так как эти свойства хоть и напрямую связаны с характером и темпераментом человека и вытекают из него, однако чертами характера не являются. Это склонности, предрасположенности человека много спать или есть, употреблять алкоголь, находиться дома или нет. Здесь присутствуют физиологические особенности, а не только морально-этические.

Можно сказать, что характеристика человека по его склонностям – образование, возникшее на стыке двух полей: «Характеристика человека по его внешнему облику» и «Характеристика человека по его душевным качествам, характеру и поведению» – и несколько от них отделившееся.

1. Слова, характеризующие человека по его предрасположенности к нечистоплотности, довольно многочисленны в говорах Вологодской области (*безряха, варахоба, варзуля, замаруля, кукомоя, неупёка, росомаха* и др.): «Вот уж *кукомоя*-то! У *кукомои* моего всегда тетради грязные» (Белоз., СРГК, 3, 55); «Умазалась, так и *замазуля*» (В.-У., Урм.). Употребляются также общерусские *грязнуля, неряха, свинья*.

Семантика ‘неряшливый’ характеризует не только грязного, запачкавшегося человека, но и плохо, небрежно одетого (*кулёма, ожгарь, ожгариха, охлудье, ошемёток, трефило* и др., общерусские *чучело, кикимора*): «Переоденься хоть! Что ты *ожгарихой*-то ходишь! Не видала еще такой *ожгарихи*! Робята-то ведь хитрые, *ожгарих* не любят» (Баб., СВГ, 6, 36); «Платок-то с головы съехал, хоть бы опоясала по-хорошему, а то чисто *кулёма*» (Баб., СВГ, 4, 16); «Плохо оделась да и пошла – *улита*» (Нюкс., Урм.).

Обратим внимание, что слово *кулёма* в «Словаре синонимов русского языка» З.Е. Александровой дано как просторечный синоним к слову *неумеха* (разг.) [1, с. 229]. И.С. Лутовинова характеризует это слово как общерусское по ареалу распространения, имеющее значение ‘неопрятный, неряшливый человек’ [7, с. 66], однако ни в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, ни в

«Словаре современного русского литературного языка» в 17 т. это слово не зафиксировано.

Слова *запатрашка, ожгарёнок* характеризуют неопрятного, грязного ребенка, например: «Грязные ребятишки – вот и *запатрашки*» (Вож., СВГ, 2, 137); «Вот *ожгарята*-ти, все в грязи вымазались. Ни у кого, поди, таких *ожгарят* и нет» (Баб., СВГ, 6, 36). Однако следует заметить, что лишь слово *ожгарёнок* имеет формальный показатель ‘невзрослости’ – суффикс ***-ёнок*** [6, с. 66], особенно в сравнении со словами, называющими взрослого человека: *ожгарь, ожгариха*.

Интересно отметить, что контекстный анализ некоторых высказываний диалектоносителей позволяет выявить периферийные, потенциальные семы. Наиболее распространенной потенциальной (то есть ярко не выраженной) является сема, указывающая на неопрятность человека при ведении хозяйства: «У *необрядицы* все в доме плохо» (Верх., СВГ, 5, 98); «Грязная да неуютная дак *необряха* и есть. У *необряхи* и дом, и дети грязные» (Кир., СВГ, 5, 98). Как правило, такая хозяйка представляется неумелой, нерадивой: «*Пичкало* не умеет ни посуду вымыть, попичкает-попичкает в одной воде, неряха, и в хозяйстве в порядке не бывает, и сама не сможет одеться» (Нюкс., Урм.); «*Пичкало* делает чего, у него не получается, пичкает-пичкает, а ничего не получается» (Тот., Урм.).

Обилие контекстов, где актуализируется значение ‘человек (чаще женщина), содержащий свой дом и хозяйство в грязи’, свидетельствует о значимости этого обстоятельства. Тот, кто ленится навести порядок в своем собственном доме, не может вызывать уважения. Все контексты достаточно ясно подтверждают наличие, с одной стороны, отрицательной оценки такого человека, с другой стороны, негативных эмоций в его адрес.

Отметим также, что слов с противоположным значением ‘опрятный, аккуратный человек’ в говорах Вологодской области, как и в литературном русском языке, значительно меньше (*беломойка, обиходница,* общерусское *чистюля*). Это подтверждает сложившийся в науке тезис, что в экспрессивном назывании нуждаются отрицательные качества человека. Вообще, по стереотипным представлениям, аккуратность – свойство, которое никогда не приписывалось русскому человеку (ср.: немецкая аккуратность и *русская аккуратность) [8].

2. Нарядного и плохо одетого человека характеризуют лексические группировки, находящиеся в антонимических отношениях, причем слов положительнооценочного полюса в этой парадигме несколько больше. Осторожно предположим, что люди, имевшие возможность одеться хорошо, нарядно, красиво, вызывали не зависть (это следует из отсутствия отрицательной коннотации в семантике подобных слов), а восхищение, одобрение или поощрение.

Большая часть слов, характеризующих нарядного человека, относится к женщинам или, имея формальный показатель женского рода (флексию ***-а***), может относиться к мужчинам: *баса, басёна, басуля, басунья, бодрунья, нарядиха, наряжонка, наряжуха, славнуха, славёна, чистяк,* например: «*Басунья* девка, любит наряды» (Ник., СВГ, 1, 23); «Парень-от *наряжонка*, любит всё баское» (Баб., СВГ, 5, 68); «Твоя Таня – *басуля*: долго перед зеркалом вертится, некоторые быстро, а она подолгу» (Нюкс., Урм.).

Формальный показатель женского рода (флексия ***-а***) хотя и выделяется в словах мужского и общего рода, в обыденном языковом сознании отождествляется с лицами женского пола. В грамматике подобные слова относят к «существительным женского морфологического рода» [5, с. 147]. Женский морфологический род большинства перечисленных слов наводит на мысль, что стремление наряжаться считалось свойством, украшающим женщину и не приличествующим мужчине: в высказывании «Парень-от *наряжонка*, любит всё баское» (Баб., СВГ, 5, 68) слышится ирония и некоторое умаление мужественности.

В основном все слова данной группы имеют положительную оценочность. Это, во-первых, подтверждается мотивами, положенными в основу номинации большинства слов:

мотив ‘красоты’: *баса, басёна, басуля, басунья*;

мотив ‘нарядности’: *нарядиха, наряжонка, наряжуха*;

мотив ‘славы’: *славнуха, славёна*;

мотив ‘чистоты’: *чистяк*.

Сами по себе это положительные мотивы.

Во-вторых, эти слова используются в положительно характеризующих контекстах: «Говорили, *баса* идет, эдак вырядится парень или девка красиво» (Вашк., СРГК, 1, 43); «*Чистяк* – мужчина оденется, на ём всё как надо, и рубаха, и брюки» (Нюкс., Урм.).

Слов с противоположным значением примерно такое же количество: *кудес, отеребок, охломотье, прорешница, трун, тряпок, тряпочник, тряпочница, удоробь*: «Ой, Манька, настоящий ты *кудес*. Хоть бы полушалок получше одела!» (Чер., СРНГ, 16, 9); «Меня и можно назвать *прорешница*: тут разорвалось, тут разорвалось, оборванка» (Нюкс., Урм.). Семантика некоторых из них осложнена семой ‘никчемный человек’, что в общем-то обосновано самим положением людей, ходящих в изорванной, плохой одежде. В данном случае социальный статус и внешний вид «оборванца» обусловили развитие денотативного компонента, характеризующего его с морально-этической точки зрения как опустившегося, нравственно деградировавшего, хотя, по большому счету, причинно-следственные отношения между необходимостью ходить в лохмотьях и никчемностью весьма сомнительные. Однако обыденное сознание устойчиво связывает внешний облик оборванного, плохо одетого человека с его низкими моральными принципами.

3. Лексическое множество, характеризующее человека по его отношению к еде, полярно и представлено словами, которые указывают на количественное отношение человека к пище: много употребляет или мало. Подобных слов примерно равное количество, что позволяет предположить одинаковую осуждаемость крайних проявлений отношения человека к еде в условиях северного климата: не вызывали одобрения и обжоры, и люди с плохим аппетитом, который не способствовал формированию здорового, крепкого, а значит, и сильного организма, готового к любой работе, на что, кстати, указывает внутренняя форма некоторых из этих слов: *морилка, морнина*. Другие слова этой группы: *мажора, малоестка, маруля* («Парень-от у меня *мажора*, мало ест» (К.-Г., СВГ, 4, 66); «Вот такой *маруля*. Дак плохо ест» (Сок., СВГ, 4, 72); «*Малоестка* мало кушает» (Тот., Урм.)).

Обжору характеризуют такие слова, как *адина, адовище, глот, голодарь, несыть, оглоед*, например: «Ну и парень *голодарь*, только что обедали, а ты опять есть просишь» (Чер., СРГК, 1, 358); «*Адовище* ты, глаза только не сыты» (Вож., СВГ, 1, 15); «Кушает много, вот и *адина*, вот *обжора*, много съел» (В.-У., Урм.). Интересна внутренняя форма слов *адина, адовище*, образованных от слова *ад* в значении ‘пасть, горло, глотка, рот’ [СРНГ: 1, 203] (так называемое **метафорическое словообразование**). Отмечается, что в северорусских говорах

дериваты слова *ад* многочисленны и семантически разнообразны. «Еще во времена раннего христианства возникает символизация ада, геенны огненной в виде змея или в виде открытой огнедышащей пасти змея или другого чудовищного зверя. Именно так ад нередко изображался на иконах» [13, с. 123].

4. В словах с семантикой ‘пьяница’ наблюдается совмещение качественного и количественного составляющих. В данном случае качественный компонент указывает на питьевое предпочтение – ‘любитель спиртного’, а количественный – на объем выпиваемого, так как пьяница – это не просто любитель спиртных напитков, но человек, употребляющий их в больших количествах. Отметим лексемы, входящие в данную ЛСГ: *лыва, лямза, опоек, опойца, слюнда, сусара, сусленник*, а также общерусские *пьянчуга, пропойца*, *выпивоха*, *запивоха, зюзя,* например: «У тя жизнь хорошая, квартира есь, дети здоровые, и муж придет домой – не какой-нибудь *лямза* – фе-фе-фе!» (Тот., СВГ, 4, 63); «*Опоек* зовут, которые пьют водку, пьяницы»; «Пьет – *сусленник*» (Нюкс., Урм.).

5. Лексико-семантическая группа ‘соня’ представлена следующими лексемами: *долгоспиха, дремота, заспиха, сонуря, спиха*, общерус. *сонуля, засоня*, например: «Вот ведь *сонуля*, походя спит» (Волог., КСВГ); «У меня брат был *сонуря*, так ему ни есть, ни гулять, а спать» (Кир., КСВГ); «*Дремота* на ходу так и дремлет, сидит, так и свету белого не видит, спит на работе, она спит – мухи летают» (Нюкс., Урм.). Преобладающими мотивами, лежащими в основе номинации слов данной ЛСГ, являются мотив ‘сна/ дремоты’: *дремота, сонуля, сонуря, засоня* и мотив ‘спанья’: *долгоспиха, заспиха, спиха*.

Отметим, что отношение человека ко сну проявляется лишь в одном направлении – стремлении спать, причем долго и не только ночью. Обратной тенденции не наблюдается, то есть люди, мало спящие, никак не обозначены. Вероятно, это связано с неактуальностью такой привычки, с ее незаметностью.

6. Еще одна склонность, которую мы рассмотрим, это отношение к собственному дому. Есть домоседы, предпочитающие крайне редко покидать свое жилище. В говорах Вологодской области они названы экспрессивными словами *жихорко, неказимка, опришельница*. Слово *неказимка* имеет дополнительный компонент ‘угрюмый, хмурый, неприветливый, нелюдимый человек’, ср.: «Она *неказимка* у нас, никуда

не ходит, только в церковь» (Межд., СВГ, 5, 93) – актуализирована сема 'домосед'; «Про Виктора говорят, что он *неказимка*, а к нам он ходит и даже смеется» (Ник., СВГ, 5, 93) – актуализирована сема 'угрюмый, хмурый, неприветливый, нелюдимый человек'. Итак, семантика ‘домосед’ может осложняться элементами морально-этического плана.

Другая категория людей – непоседы, которым дома не сидится: *друговизник, другозьба, другоизбница, заброда, опалысок, паполза,* общерус. *гулёна, гуляка*, например: «Парень у меня – *друговизник* настояшшой: проснёччя, поест, шапку в охапку и до вечёру дома не появляеччя» (К.-Г., СВГ, 2, 60); «Эдакая ты *заброда*: пошлешь, так до вечеру не дождешься» (Кадн., СРНГ, 9, 275). В качестве потенциальной семы слова данного множества могут иметь сему ‘ленивый человек’, так как стремление покинуть дом закономерно связано со стремлением «увильнуть» от работы, которой в крестьянском хозяйстве всегда много. И хотя названная сема в значении слов этой группы не эксплицирована, она может проявиться в контексте: «*Другозьба* – человек от безделья ходит из дома в дом» (Нюкс., СВГ, 2, 60). Ввиду этого можно отметить стяжение двух лексико-семантических групп, входящих в разные поля: «ленивый человек» и «человек, предпочитающий находиться вне дома». И хотя явной взаимосвязи нет, такую взаимообусловленность вполне можно предположить: человек не любит находиться дома → избегает работы → ленится.

Контекстную реализацию могут также получить такие потенциальные семы, как сема ‘сплетник’: «*Другоизбы* – которы ходят по соседям, собирают околёсна, сплетни собирают, здесь услышат – там скажут» (Нюкс., Урм.), и сема ‘пьяница, гуляка’: «*Заброда* – который ходит – бродит, пьяница, бродящий. Кто за тебя замуж пойдет? 16 лет, а ты с мужиками сидеУ, накуриУсе, нажраУсе» (Нюкс., Урм.).

Отношение человека к своему собственному дому и продолжительности пребывания в нем, казалось бы, не должно вызывать ни одобрения, ни порицания. Очевидно, осуждается не сама склонность человека находиться дома или вне его, а вытекающие из этого последствия: домосед представляется нелюдимым, угрюмым, необщительным, что не может не настораживать. Любитель погулять выглядит как человек легкомысленный, ветреный, не заботящийся о своем хозяйстве, отвлекающий от работы других, сплетник, пьяница. «Золо-

тая середина» в отношении человека к своему дому – очередная лакуна в языке. Обе крайности пейоративны, здесь полярность семантическая не поддерживается полярностью оценочной.

Рассмотренные лексические множества, характеризующие человека по его привычкам и склонностям, могут быть полярными, т.е. представлять собой оппозицию, симметричную или асимметричную: ‘неряха’ – ‘аккуратный’, ‘щеголь’ – ‘оборванец’, ‘обжора’ – ‘человек без аппетита’, ‘любитель погулять’ – ‘домосед’. Неполярны группы ‘пьяница’ и ‘соня’, т.е. экспрессивных слов, называющих трезвенника и человека, который не любит много спать, нет.

Отметим, что полярность семантическая сопровождается полярностью аксиологической не во всех группах. Если ‘неряха’ (отриц.) – ‘аккуратный человек’ (положит.), ‘оборванец’ (отриц.) – ‘щеголь’ (положит.), то ‘обжора’ (отриц.) – ‘человек без аппетита’ (отриц.), ‘любитель погулять’ (отриц.) – ‘домосед’ (нулевая оценка/ отриц.).

Многие рассмотренные в статье слова обладают диффузной семантикой, что вполне закономерно для экспрессивов: склонность человека к чему-либо, сформированная привычка очень сильно влияют на характер человека и его поведение, меняют их. Человек, переставший следить за своим внешним видом, одетый в тряпье, много пьющий в языковом сознании носителей языка выглядит опустившимся, морально деградировавшим; любитель погулять предстает как лентяй, сплетник и пьяница; домосед ассоциируется с неприветливым, угрюмым человеком; нечистоплотность в ведении домашних дел, склонность дремать на работе дает повод воспринимать такого человека как ленивого.

В говорах Вологодской области возникло довольно большое количество экспрессивных слов, характеризующих человека по его привычкам и склонностям. Значит, склонности человека, особенности его поведения, такие как пьянство, неопрятность, сонливость, стремление выглядеть красиво и привлекательно, обжорство и др., обращали на себя внимание, побуждали говорящего оценочно высказаться о человеке, выразить о нем свое мнение кратко, емко, эмоционально, с помощью экспрессивной номинации. Именно перечисленные склонности и привычки одобрялись или осуждались носителями говора, но главное – не оставляли людей равнодушными.

Данные лексикологии и семантики помогают лучше понять, каким представляется идеальный человек носителю языка, что, несомненно, дополняет сведения, получаемые в рамках других научных дисциплин гуманитарного направления, изучающих человека.

---

1. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник. 8-е изд. М.: Русский язык, 1995.

2. Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000.

3. Большой толковый психологический словарь / Ребер Артур: в 2-х т. / пер. с англ. М.: Вече. АСТ, 2000.

4. Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М.: Индрик, 1998.

5. Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967.

6. Краткая русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. М.: Русский язык, 1989.

7. Лутовинова И. С. Кулема (Лексико-семантический этюд) // Русские народные говоры: история и современное состояние / отв. ред. Л. Я. Петрова. Новгород: Изд-во Новгор. ун-та, 1997.

8. Плунгян В. В., Рахилина Е. В. «С чисто русской аккуратностью…» (к вопросу об отражении в языке некоторых стереотипов) // Московский лингвистический журнал. 1995. № 2.

9. Топорова Т. В. Семантическая структура древнегерманской модели мира. М.: Радикс, 1994.

10. Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М.: Наука, 1991.

11. Урманчеева И. С. Лексико-семантическое поле ‘характеристика человека по его внешнему облику’ (на материале экспрессивов в вологодских говорах) // История русского слова: Ономастика и специальная лексика Северной Руси. Вологда: Изд-во ВГПУ, 2002.

12. Урманчеева И. С. Слова, характеризующие человека по его душевным качествам и поведению (на материале вологодских говоров) // Семиозис и культура: сборник научных статей. Вып. 2 / под общ. ред. И. Е. Фадеевой. Сыктывкар: Коми пединститут, 2006.

13. Черепанова О. А. Семантика диалектного слова в контексте традиционной народной культуры // Актуальные проблемы изучения русских народных говоров: материалы межвузовской научной конференции. Арзамас: Изд-во АГПИ им. А. П. Гайдара, 1996.

Принятые сокращения

Баб. – Бабушкинский район Вологодской области

Белоз. – Белозерский район Вологодской области

Вашк. – Вашкинский район Вологодской области

Верх. – Верховажский район Вологодской области

Вож. – Вожегодский район Вологодской области

Волог. – Вологодский район Вологодской области

В.-У. – Великоустюгский район Вологодской области

Кадн. – Кадниковский район Вологодской области

К.-Г. – Кичменгско-Городецкий район Вологодской области

Кир. – Кирилловский район Вологодской области

Межд. – Междуреченский район Вологодской области

Ник. – Никольский район Вологодской области

Нюкс. – Нюксенский район Вологодской области

СВГ – Словарь вологодских говоров. Вологда, 1983–2002.

Сок. – Сокольский район Вологодской области

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб, 1994–2002.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина. М., 1965.

Тот. – Тотемский район Вологодской области

Чер. – Череповецкий район Вологодской области